

Лебедянь. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://turgenevivan.ru/> Приятного чтения!

Лебедянь. Иван Сергеевич Тургенев

Одна из главных выгод охоты, любезные мои читатели, состоит в том, что она заставляет вас беспрестанно переезжать с места на место, что для человека незанятого весьма приятно. Правда, иногда (особенно в дождливое время) не слишком весело скитаться по проселочным дорогам, брать «целиком», останавливать всякого встречного мужика вопросом: «Эй, любезный! как бы нам проехать в Мордовку?», а в Мордовке выпытывать у тупоумной бабы (работники-то все в поле): далеко ли до постоянных двориков на большой дороге, и как до них добраться, и, проехав верст десять, вместо постоянных двориков очутиться в помещицьем сильно разоренном сельце Худобубнове, к крайнему изумлению целого стада свиней, погруженных по уши в темно-бурую грязь на самой середине улицы и нисколько не ожидавших, что их беспокоят. Не весело также переправляться через животрепещущие мостики, спускаться в овраги, перебираться вброд через болотистые ручьи; не весело ехать, целые сутки ехать по зеленоватому морю больших дорог или, чего, Боже сохрани, загрязнута на несколько часов перед пестрым верстовым столбом с цифрами: 22 на одной стороне и 23 на другой; не весело по неделям питаться яйцами, молоком и хваленым ржаным хлебом... Но все эти неудобства и неудачи выкупаются другого рода выгодами и удовольствиями. Впрочем, приступим к самому рассказу.

Вследствие всего вышесказанного мне не для чего толковать читателю, каким образом, лет пять тому назад, я попал в Лебедянь в самый развал ярмарки. Наш брат охотник может в одно прекрасное утро выехать из своего более или менее родового поместья с намереньем вернуться на другой же день вечером и понемногу, понемногу, не переставая стрелять по бекасам, достигнуть наконец, благословенных берегов Печоры; притом всякий охотник до ружья и до собаки – страстный почитатель благороднейшего животного в мире: лошади. Итак, я прибыл в Лебедянь, остановился в гостинице, переоделся и отправился на ярмарку. (Половой, длинный и сухопарый малый лет двадцати, со сладким носовым тенором, уже успел мне сообщить, что их сиятельство, князь Н., ремонтер ***го полка, остановился у них в трактире, что много других господ наехало, что по вечерам цыгане поют и пана Твардовского дают на театре, что кони, дескать, в цене, – впрочем, хорошие приведены кони.)

На ярмарочной площади бесконечными рядами тянулись телеги, за телегами лошади всех возможных родов: рысистые, заводские, битюки, возовые, ямские и простые крестьянские. Иные, сытые и гладкие, подобранные по мастям, покрытые разноцветными попонами, коротко привязанные к высоким кряквам, боязливо косились назад, на слишком знакомые им кнуты своих владельцев-барышников; помещицьи кони, высланные степными дворянами за сто, за двести верст, под надзором какого-нибудь дряхлого кучера и двух или трех крепкоголовых конюхов, махали своими длинными шеями, топали ногами, грызли со скуки надолбы; саврасые вятки плотно прижимались друг к дружке; в величавой неподвижности, словно львы, стояли широкозадые рысаки с волнистыми хвостами и косматыми лапами, серые в яблоках, вороные, гнедые. Знатоки почтительно останавливались перед ними. В улицах, образованных телегами, толпились люди всякого звания, возраста и вида: барышники, в синих кафтанах и высоких шапках, лукаво высматривали и выжидали покупателей; лупоглазые, кудрявые цыганы метались взад и вперед как угорелые, глядели лошадям в зубы, поднимали им ноги и хвосты, кричали, бранились, служили посредниками, метали жребий или увивались около какого-нибудь ремонтера в фуражке и военной шинели с бобром. Дюжий казак торчал верхом на тощем мерине с оленьей шеей и продавал его «со всим», то есть с седлом и уздечкой. Мужики, в изорванных под мышками тулупах, отчаянно продирались сквозь толпу, наваливались десятками на телегу, запряженную лошадью, которую следовало «опробовать», или, где-нибудь в стороне, при помощи увертливого цыгана, торговались до изнеможения, сто раз сряду хлопали друг друга по рукам, настаивая каждый на своей цене, между тем как предмет их спора, дрянная лошаденка, покрытая покоробленной рогожей, только что глазами помаргивала, как будто дело шло не о ней... И в самом деле, не все ли ей равно, кто ее бить будет! Широколобые помещики с крашеными усами и выражением достоинства на лице, в конфедератках и камлотовых чуйках, надетых на один рукав, снисходительно заговаривали с пузатыми купцами в пуховых шляпах и зеленых перчатках. Офицеры различных полков толкались тут же; необыкновенно длинный кирасир, немецкого происхождения, хладнокровно спрашивал у хромого барышника: сколько он желает получить за сию рыжую лошадь? Белокурый гусарчик, лет

Лебедянь. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

девятнадцати, подбирал пристяжную к поджарому иноходцу; ямщик в низкой шляпе, обвитой павлиньим пером, в буром армяке и с кожаными рукавицами, засунутыми за узкий зелененький кушак, искал коренника. Кучера заплетали лошадям своим хвосты, мочили гривы и давали почтительные советы господам. Окончившие сделку спешили в трактир или в кабак, смотря по состоянию.. И все это возилось, кричало, копошилось, ссорилось и мирилось, бранилось и смеялось в грязи по колени. Мне хотелось купить тройку сносных лошадей для своей брички: мои начинали отказываться. Я нашел двух, а третью не успел подобрать. После обеда, которого описывать я не берусь (уже Эней знал, как неприятно припоминать минувшее горе), отправился я в так называемую кофейную, куда каждый вечер собирались ремонтеры, заводчики и другие приезжие. В биллиардной комнате, затопленной свинцовыми волнами табачного дыма, находилось человек двадцать. Тут были развязные молодые помещики в венгерках и серых панталонах, с длинными висками и намасленными усами, благородно и смело взиравшие кругом; другое дворяне в казакинах, с необыкновенно короткими шеями и заплывшими глазками, тут же мучительно сопели; купчики сидели в стороне, как говорится, «на чуку»; офицеры свободно разговаривали друг с другом. На биллиарде играл князь Н., молодой человек лет двадцати двух, с веселым и несколько презрительным лицом, в сюртуке нараспашку, красной шелковой рубаше и широких бархатных шароварах; играл он с отставным поручиком Виктором Хлопаковым.

Отставной поручик Виктор Хлопаков, маленький, смугленький и худенький человек лет тридцати, с черными волосиками, карими глазами и тупым вздернутым носом, прилежно посещает выборы и ярмарки. Он подпрыгивает на ходу, ухарски разводит округленными руками, шапку носит набекрень и заворачивает рукава своего военного сюртука, подбитого сизым коленкором. Господин Хлопаков обладает умением подделываться к богатым петербургским шалунам, курит, пьет и в карты играет с ними, говорит им «ты». За что они его жалуют, понять довольно мудрено. Он не умен, он даже не смешон: в шуты он тоже не годится. Правда, с ним обращаются дружески-небрежно, как с добрым, но пустым малым; якшуются с ним в течение двух-трех недель, а потом вдруг и не кланяются с ним, и он сам уж не кланяется. Особенность поручика Хлопакова состоит в том, что он в продолжение года, иногда двух, употребляет постоянно одно и то же выражение, кстати и некстати, выражение нисколько не забавное, но которое, Бог знает почему, всех смешит. Лет восемь тому назад он на каждом шагу говорил: «Мое вам почитание, покорнейше благодарствую», и тогдашние его покровители всякий раз помирали со смеху и заставляли его повторять «мое почитание»; потом он стал употреблять довольно сложное выражение: «Нет, уж это вы того, кескесэ, – это вышло выходит», и с тем же блистательным успехом; года два спустя придумал новую прибаутку: «Не ву горяче па, человек Божий, обшит бараньей кожей» и т.д. И что же! эти, как видите, вовсе незатейливые словечки его кормят, поят и одевают. (Именье он свое давным-давно промотал и живет единственно на счет приятелей.) Заметьте, что решительно никаких других любезностей за ним не водится; правда, он выкуривает, сто трубок Жукова в день, а играя на биллиарде, поднимает правую ногу выше головы и, прицеливаясь, неистово ерзает кием по руке, – ну, да ведь до таких достоинств не всякий охотник. Пьет он тоже хорошо... да на Руси этим отличиться мудрено... Словом, успех его – совершенная для меня загадка... Одно разве: осторожен он, сору из избы не выносит, ни о ком дурного словечка не скажет...

«Ну, – подумал я при виде Хлопакова, – какая-то его нынешняя поговорка?»

Князь сделал белого.

– Тридцать и никого, – возопил чахоточный маркер с темным лицом и свинцом под глазами.

Князь с треском положил желтого в крайнюю лузу.

– Эк! – одобрительно крякнул всем животом толстенький купец, сидевший в уголку за шатким столиком на одной ножке, крякнул и оробел. Но, к счастью, никто его не заметил. Он отдохнул и погладил бородку.

– Тридцать шесть и очень мало! – закричал маркер в нос.

– Что, каково, брат? – спросил князь Хлопакова.

– Что ж? известно, рррракалиооон, как есть рррракалиооон!

Князь прыснул со смеху.

– Как, как? повтори!

– Ррракалиоон! – самодовольно повторил отставной поручик.

«Вот оно, слово-то!» – подумали.

Князь положил красного в лузу.

– Эх! не так, князь, не так, – залепетал вдруг белокурый офицерик с покрасневшими глазками, крошечным носиком и младенчески заспанным лицом. – Не так играете... надо было... не так!

– Как же? – спросил его князь через плечо.

– Надо было... того... триплетам.

– В самом деле? – пробормотал князь сквозь зубы.

– А что, князь, сегодня вечером к цыганам? – поспешно подхватил сконфуженный молодой человек. – Стешка петь будет... Ильюшка...

Князь не отвечал ему.

– Ррракалиоон, братец, – проговорил Хлопаков, лукаво прищутив левый глаз.

И князь расхохотался.

– Тридцать девять и никого, – провозгласил маркер.

– Никого... посмотри-ка, как я вот этого желтого...

Хлопаков заерзал кием по руке, прицелился и скиксовал.

– Э, рракалиоон, – закричал он с досадой.

Князь опять рассмеялся.

– Как, как, как?

Но Хлопаков своего слова повторить не захотел: надо же пококетничать.

– Стикс извоили дать, – заметил маркер. – Позвольте помелить... Сорок и очень мало!

– Да, господа, – заговорил князь, обращаясь ко всему собранию и не глядя, впрочем, ни на кого в особенности, – вы знаете, сегодня в театре Вержембицкую вызывать.

– Как же, как же, непременно! – воскликнуло наперерыв несколько господ, удивительно польщенных возможностью отвечать на княжескую речь. – Вержембицкую...

– Вержембицкая отличная актриса, гораздо лучше Сопняковой, – пропищал из угла плюгавенький человек с усиками и в очках. Несчастный! он втайне сильно вздыхал по Сопняковой, а князь не удостоил его даже взглядом.

– Че-о-эк, э, трубку! – произнес в галстух какой-то господин высокого роста, с правильным лицом и благороднейшей осанкой – по всем признакам шулер.

Человек побежал за трубкой и, вернувшись, доложил его сиятельству, что, дескать, ящик Баклага их спрашивают-с.

– А! ну, вели ему подождать да водки ему поднеси.

– Слушаю-с.

Баклагой, как мне потом сказали, прозывался молодой, красивый и чрезвычайно

Лебедянь. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
избалованный ямщик; князь его любил, дарил ему лошадей, гонялся с ним, проводил с ним целые ночи... Этого самого князя, бывшего шалуна и мота, вы бы теперь не узнали... Как он раздушен, затянут, горд! Как занят службой, а главное – как рассудителен!

Однако табачный дым начинал выедать мне глаза. В последний раз выслушав восклицание Хлопакова и хохот князя, я отправился в свой номер, где на волосяном, узком и продавленном диване, с высокой выгнутой спинкой, мой человек уже постлал мне постель.

На другой день пошел я смотреть лошадей по дворам и начал с известного барышника Ситникова. Через калитку вошел я на двор, посыпанный песочком. Перед настежь раскрытой дверью конюшни стоял сам хозяин, человек уже не молодой, высокий и толстый, в заячьем тулупчике, с поднятым и подвернутым воротником. Увидав меня, он медленно двинулся ко мне навстречу, подержал обеими руками шапку над головой и нараспев произнес:

– А, наше вам почтение. Чай, лошадок угодно посмотреть?

– Да, пришел лошадок посмотреть.

– А каких именно, смею спросить?

– Покажите, что у вас есть.

– С нашим удовольствием.

Мы вошли в конюшню. Несколько белых шавок поднялось с сена и подбежало к нам, виляя хвостами; длиннородый старый козел с неудовольствием отошел в сторону; три конюха, в крепких, но засаленных тулупах, молча нам поклонились. Направо и налево, в искусственно возвышенных стойлах, стояло около тридцати лошадей, выхоленных и вычищенных на славу. По перекладам перелетывали и ворковали голуби.

– Вам, то есть, для чего требуется лошадка: для езды или для завода? – спросил меня Ситников.

– И для езды и для завода.

– Понимаем-с, понимаем-с, понимаем-с, – с расстановкою произнес барышник. – Петя, покажи господину Горностаю.

Мы вышли на двор.

– Да не прикажете ли лавочку из избы вынести?.. Не требуется?.. Как угодно.

Копыта загремели по доскам, щелкнул кнут, и Петя, малый лет сорока, рябой и смуглый, выскочил из конюшни вместе с серым, довольно статным жеребцом, дал ему подняться на дыбы, пробежал с ним два круга двора и ловко осадил его на показном месте. Горностаю вытянулся, со свистом фыркнул, закинул хвост, повел мордой и покосился на нас.

«Ученая птица!» – подумал я.

– Дай волю, дай волю, – проговорил Ситников и уставился на меня.

– Как, по-вашему, будет-с? – спросил он наконец.

– Лошадь недурна, – передние ноги не совсем наделены.

– Ноги отличные! – с убеждением возразил Ситников: – а зад-то... извольте посмотреть... печь печью, хоть выпишь.

– Бабки длинные.

– Что за длинные – помилосердуйте! Пробеги-ка, Петя, пробеги, да рысью, рысью, рысью... не давай скакать.

Лебедянь. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru
Петя опять пробежал по двору с Горностаем. Мы все помолчали.

– Ну, поставь его на место, – проговорил Ситников, – да Сокола нам подай.

Сокол, вороной, как жук, жеребец голландской породы, со свислым задом и поджарый, оказался немного получше Горностая. Он принадлежал к числу лошадей, о которых говорят охотники, что «они секут и рубят, и в полон берут», то есть на ходу вывертывают и выкидывают передними ногами направо и налево, а вперед мало подвигаются. Купцы средних лет подлюбливают таких лошадей: побежка их напоминает ухарскую походку бойкого полового; они хороши в одиночку, для гулянья после обеда: выступая фертом и скрутив шею, усердно везут они аляповатые дрожки, нагруженные наевшимся до онеменья кучером, придавленным купцом, страдающим изжогой, и рыхлой купчихой в голубом шелковом салопе и лиловом платочке на голове. Я отказался и от Сокола. Ситников показал мне еще несколько лошадей... Одна наконец, серый в яблоках жеребец воейковской породы, мне понравилась. Я не мог удержаться и с удовольствием потрепал ее по холке. Ситников тотчас прикинулся равнодушным.

– А что, он едет хорошо? – спросил я. (О рысаке не говорят: бежит.)

– Едет, – спокойно ответил барышник.

– Нельзя ли посмотреть?..

– Отчего же, можно-с. Эй, Кузя, Догоня в дрожки заложить.

Кузя, наездник, мастер своего дела, проехал раза три мимо нас по улице. Хорошо бежит лошадь, не сбивается, задом не подбрасывает, ногу выносит свободно, хвост отделяет и «держит», редкомах.

– А что вы за него просите?

Ситников заломил цену небывалую. Мы начали торговаться тут же на улице, как вдруг из-за угла с громом вылетела мастерски подобранная ямская тройка и лихо остановилась перед воротами Ситникова дома. На охотничьей, щегольской тележке сидел князь Н.; возле него торчал Хлопаков. Баклага правил лошадьми... и как правил! сквозь сережку бы проехал, разбойник! Гнедые пристяжные, маленькие, живые, черноглазые, черноногие, так и горят, так и поджимаются; свистни только – пропали! Караковая коренная стоит себе, закинув шею, словно лебедь, грудь вперед, ноги как стрелы, знай головой помахивает да гордо щурится... Хорошо! Хоть бы царю Ивану Васильевичу в светлый праздник прокатиться!

– Ваше сиятельство! милости просим! – закричал Ситников.

Князь соскочил с телеги. Хлопаков медленно слез с другой стороны.

– Здравствуй, брат... Есть лошади?

– Как не быть для вашего сиятельства! Пожалуйте, войдите... Петя, Павлина подай! да Похвального чтоб готовили. А с вами, батюшка, – продолжал он, обращаясь ко мне, – мы в другое время покончим... Фомка, лавку его сиятельству.

Из особенной, мною сперва не замеченной, конюшни вывели Павлина. Могучий темно-гнедой конь так и взвился всеми ногами на воздух. Ситников даже голову отвернул и зажмурился.

– У, пракасион! – провозгласил Хлопаков. – Жэм-са.

Князь засмеялся.

Павлина остановили не без труда; он таки повозил конюха по двору; наконец его прижали к стене. Он храпел, вздрагивал и поджимался, а Ситников еще дразнил его, замахиваясь на него кнутом.

– Куда глядишь? вот я те! у! – говорил барышник с ласковой угрозой, сам невольно любясь своим конем.

– Сколько? – спросил князь.

- Для вашего сиятельства пять тысяч.
- Три.
- Нельзя-с, ваше сиятельство, помилуйте..
- Говорят, три, пракасион, – подхватил Хлопаков.

Я не дождался конца сделки и ушел. У крайнего угла улицы заметил я на воротах сероватого домика приклеенный большой лист бумаги. Наверху был нарисован пером конь с хвостом в виде трубы и нескончаемой шеей, а под копытами коня стояли следующие слова, написанные старинным почерком.

Здесь продаются разных мастей лошади, приведенные на Лебединскую ярмарку с известного степного завода Анастасея Иваныча Чернобая, тамбовского помещика. Лошади сии отличных статей; выезджены в совершенстве и кроткого нрава. Господа покупатели благоволят спросить самого Анастасея Иваныча; буде же Анастасей Иваныч в отсутствии, то спросить кучера Назара Кубышкина. Господа покупатели, милости просим почтить старичка!»

Я остановился. Дай, думаю, посмотрю лошадей известного степного заводчика г-на Чернобая.

Я хотел было войти в калитку, но, против обыкновения, нашел ее запертой. Я постучался.

- Кто там?.. Покупатель? – пропищал женский голос.
- Покупатель.
- Сейчас, батюшка, сейчас.

Калитка растворилась. Я увидел бабу лет пятидесяти, простоволосую, в сапогах и в тулупе нараспашку.

- Извольте, кормилец, войти, а я сейчас пойду Анастасею Иванычу доложу... Назар, а Назар!
- Чего? – прошамшил из конюшни голос семидесятилетнего старца.
- Лошадок приготовь; покупатель пришел.

Старуха побежала в дом.

- Покупатель, покупатель, – проворчал ей в ответ Назар. – Я им еще не всем хвосты подмыл.

«О, Аркадия!» – подумал я.

– Здравствуй, батюшка, милости просим, – медленно раздался за моей спиной сочный и приятный голос. Я оглянулся: передо мною, в синей долгополой шинели, стоял старик среднего роста, с белыми волосами, любезной улыбкой и прекрасными голубыми глазами.

- Лошадок тебе? Изволь, батюшка, изволь... Да не хочешь ли ко мне сперва чайку зайти напиться?

Я отказался и поблагодарил.

- Ну, как тебе угодно. Ты меня, батюшка, извини: ведь я по старине. (Г-н Чернобай говорил не спеша и на о.) У меня все по простоте, знаешь... Назар, а Назар, – прибавил он протяжно и не возвышая голоса.

Назар, сморщенный старичишка, с ястребиным носиком и клиновидной бородкой, показался на пороге конюшни.

- Каких тебе, батюшка, лошадей требуется? – продолжал г-н Чернобай.

– Не слишком дорогих, езжалых, в кибитку.

– Изволь... и такие есть, изволь... Назар, Назар, покажи барину серенького меринка, знаешь, что с краю-то стоит, да гнедую с лысиной, а не то – другую гнедую, что от Красотки, знаешь?

Назар вернулся в конюшню.

– Да ты на недоузках так их и выведи! – закричал ему вслед г-н Чернобай. – У меня, батюшка, – продолжал он, ясно и кротко глядя мне в лицо, – не то, что у барышников, чтоб им пусто было! У них там имбири разные пойдут, соль, барда.[1] Бог с ними совсем!.. А у меня, изволишь видеть, все на ладони, без хитростей.

Вывели лошадей. Не понравились они мне.

– Ну, поставь их с Богом на место, – проговорил Анастасей Иваныч. – Других нам покажи.

Показали других. Я наконец выбрал одну, подешевле. Начали мы торговаться. Г-н Чернобай не горячился, говорил так рассудительно, с такою важностью призывал Господа Бога во свидетели, что я не мог не «почтить старичка»: дал задаток.

– Ну, теперь, – промолвил Анастасей Иваныч, – позволь мне, по старому обычаю, тебе лошадку из полы в полу передать... Будешь за нее меня благодарить... Ведь свеженькая! словно орешек... нетронутая... степнячо-ок! Во всякую упряжь ходит.

Он перекрестился, положил полу своей шинели себе на руку, взял недоуздок и передал мне лошадь.

– Владей с Богом теперь... А чайку все не хочешь?

– Нет, покорно вас благодарю: мне домой пора.

– Как угодно... А мой кучерок теперь за тобой лошадку поведет?

– Да, теперь, если позволите.

– Изволь, голубчик, изволь... Василий, а Василий, ступай с барином; лошадку сведи и деньги получи. Ну, прощай, батюшка, с Богом.

– Прощайте, Анастасей Иваныч.

Привели мне лошадь на дом. На другой же день она оказалась запаленной и хромой. Вздумал я было ее заложить: пятится моя лошадь назад, а ударишь ее кнутом – зартачится, побрыкает, да и ляжет. Я тотчас отправился к г-ну Чернобаю. Спрашиваю:

– Дома?

– Дома.

– Что ж это вы, – говорю, – ведь вы мне запаленную лошадь продали.

– Запаленную?.. Сохрани Бог!

– Да она еще и хромая, притом и с норовом.

– Хромая? Не знаю, видно, твой кучерок ее как-нибудь попортил... а я, как перед Богом...

– Вы, по-настоящему, Анастасей Иваныч, ее назад взять должны.

– Нет, батюшка, не прогневайся: уж коли со двора долой – кончено. Прежде бы изволил смотреть.

Я понял, в чем дело, покорился своей участи, рассмеялся и ушел. К счастью, я за урок не слишком дорого заплатил.

Лебедев. Иван Сергеевич Тургенев turgenevivan.ru

Дня через два я уехал, а через неделю опять завернул в Лебедев на возвратном пути. В кофейной я нашел почти те же лица и опять застал князя Н. за биллиардом. Но в судьбе господина Хлопакова уже успела произойти обычная перемена. Белокурый офицерик сменил его в милостях князя. Бедный отставной поручик попытался еще раз при мне пустить в ход свое словечко – авось, дескать, понравится по-прежнему, – но князь не только не улыбнулся, даже нахмурился и пожал плечом. Господин Хлопаков потупился, съежился, пробрался в уголок и начал втихомолку набивать себе трубочку...

1 От барды и соли лошадь скоро тучнеет.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://turgenevivan.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!